

Марко Вовчок

Институтка

Марко Вовчок

Институтка

«Public Domain»

1859

Вовчок М.

Институтка / М. Вовчок — «Public Domain», 1859

«Люди видят, что я весела, и думают, что я горя не знала; а я только родилась такою. Бывало, меня бьют (не дай бог об этом и вспомнить!) – не выдержу сердца, заплачу, а потом подумаю немного и засмеюсь. Бывает горе, что плачет, а бывает и такое, что скачет. Вот такое-то и мое горе. Если б мне над каждой моей бедой было плакать, я давно бы себе глаза выплакала. Отца и матери я не помню, выросла сиротою, между чужих людей. Хоть и не было мне битья да упрёку и работы не было тяжелой, зато и забывали обо мне – голодна ли я, холодна ли, жива ли...»

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	10
V	11
VI	12
VII	13
VIII	14
IX	15
X	16
XI	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марко Вовчок

Институтка

Посвящается Т. Г. Шевченко

I

Люди видят, что я весела, и думают, что я горя не знала; а я только родилась такою. Бывало, меня быют (не дай бог об этом и вспомнить!) – не выдержу сердца, заплачу, а потом подумаю немного и засмеюсь. Бывает горе, что плачет, а бывает и такое, что скачет. Вот такое-то и мое горе. Если б мне над каждой моей бедой было плакать, я давно бы себе глаза выплала.

Отца и матери я не помню, выросла сиротою, между чужих людей. Хоть и не было мне битья да упреку и работы не было тяжелой, зато и забывали обо мне – голодна ли я, холодна ли, жива ли...

На десятом году взяли меня на барский двор. У старой пани жить было можно: смирна была, может быть, оттого, что уж очень была слаба, едва ноги волочила; а заговорит – только шамкает, сразу и не разберешь; так где уж тут драться – не то на уме. Целый день сидит на крылечке, а придет ночь – начнет охать да стонать. А в молодые годы, говорят, и за ней всякая всячинка водилась... да надо уж когда-нибудь и перестать.

В мое время нам на господском дворе жилось недурно; одно только было горе, что нам со двора ступить не позволяли, разве только в великий праздник в церковь отпросимся, а в простое воскресенье и не думай: барыня рассердится. «Нечего таскаться, – скажет, – не пуцу; не такие еще ваши года, чтоб вам о боге заботиться, еще успеете; не завтра вам умирать!»

Сидим, бывало, день за день да и работаем; а кругом все тихо, словно все зачаровано, разве только барыня заохает либо кто из девушек на ухо что шепнет, а которая вздохнет со скуки. Томит, бывало, нас та работа, ажно жжет, а что сделаешь? Спасибо хоть на том, что не быют десять раз на день, как, слышно, у других господ.

А иногда развеселимся мы вдруг, сами не знаем отчего; весело нам станет, так что сердце прыгает. Кажется, кабы воля, запели бы мы так, что по всему селу отозвалось бы... да не смеем: взглянем друг на друга, так смех нас и берет. Одна моргнет бровью, другая ответит ей тем же; которую привяжут к стулу косою, а иная вскочит и начнет скакать на цыпочках, чтоб барыня не услышала, кружится, вертится, только рукава раздуваются! Чего, бывало, мы тогда не выделяли!

У старой барыни не было ни роду ни племени – никого, кроме одной только внучки. Обучалась она в Киеве, в каком-то... там... как бы это выговорить?... ин-сти-ту-те. Она частенько, бывало, присылала письма к старухе, а старуха те письма каждый день перечитывала. И поплачет она над ними, и посмеется. Вот и пишет раз внучка, чтоб приезжали за ней, домой бы ее взяли. Пора, мол, пришла. Матерь божия! весь дом всполошился; ну белить, мыть, прибирать! Панночку ждем, панночка будет!

Старая барыня словно ожила: костыляет из комнаты в комнату, из каждого окошка на дорогу посматривает и нас гоняет за село смотреть, не едет ли панночка. А нам только того и нужно. Мы за ту неделю, когда ее ожидали, можно сказать, пожили. Пошлют нас – мы не бежим, летим! Весело нам глядеть на степь, на поля на красные. Зеленая степь словно убегает перед глазами Далеко куда-то, далеко... Любо вздохнуть на воле!

Цветов, бывало, нарвем, венков наделаем. Наденем мы те ненки, словно невесты, и до самого двора в них величаемся, а нступая на двор, снимем их с себя да и бросим... А как было нам Жаль эти венки бросать! Как жалко!

II

Дождались мы панночки: приехала она. И уж как хороша она собой была! В кого она уродилась такая? Кажется, и намалевать такой красавицы нельзя. Старуха как обняла ее, так уж из рук и не выпустила: целует ее, милует да любит, по комнатам ее водит, все показывает, все рассказывает; а панночка только знай поворачивается да на все любопытными глазами посматривает.

Посадила ее старуха за стол. И плачет-то она и радуется, расспрашивает и потчует:

– Может, ты того бы съела, того бы выпила? Кушаньев всяких и напитков на стол наставляла. Сама села возле нее и не насмотрится; а панночка все подбирает скоренько да чистенько, словно воробышек. Мы из-за дверей глядим на них и ждем, что будет говорить панночка: хочется нам дознаться, какие мысли у нее, какой нрав, какой обычай.

– Каково-то жилось тебе, *серденько*? – спрашивает старуха. – Ты мне не говоришь ничего.

– Ай, бабушка, чего еще там говорить? Скука была такая!

– Небось учили много? Чему ж тебя выучили, моя крошка?

– Вот что захотели знать! Вам было хорошо жить здесь, на воле, а что я вытерпела за тем ученьем... И не напоминайте мне о том!

– Голубушка моя! Известное дело: чужие люди сильно тебя обижали. Зачем же сейчас ты об этом не написала?

– Что это вы, бабушка, как можно! Сейчас бы дознались.

– Бедняжка моя! Скажи же мне, по крайней мере, как тебя обижали эти неверные души?

– Ох, бабушка, и морили они нас, и мучили, да всё глупостями: и то учи, и другое, и пятое, и десятое, зубри да зубри. А на что мне знать, как по небу звезды ходят, или как люди за морями живут, да хорошо ли у них там, нехорошо ли у них там. Лишь бы я знала, чем перед людьми себя показать.

– Да учатся же на что-нибудь люди, мое золото. Вон и наши панночки уж на что шушера, а и те трещат по-французски.

– Э, бабушка! – защебетала панночка. – Французским-то языком и музыкой я сама охотно занималась, и танцами тоже. Что надо, то надо: на это каждый внимание обращает, каждый похвалит за это; а все прочее только тоску наводит. Учись, учись да и забудь! И тем, что учат, томно, и тем, что учатся, тошно.

Много времени даром пропало.

– Да как же так? Стало быть, вас дурно учат?

– Да я ж вам говорю, что и скучно, и дурно, и все понапрасну. Они только о том и думают, как бы с нас деньги все получить, а мы о том думаем, как бы нас скорее на волю выпустили... О чем же вы задумались, бабушка?

– Да о том, *серденько*, что за тебя брали деньги хорошие, а учили дурно. Ну как ты теперь все перезабудешь?

– Как же это возможно, бабушка? Бог с вами! Как это можно, с гостями или в гостях позабыть музыку, или танцы, или хоть французский язык? А что до той заморской чепухи, я ее в одно ухо впускала, а в другое выпускала. Да я ее и совсем-таки не знаю – ну ее!

– А если каким часом кто-нибудь спросит, как там звезды по небу ходят или что другое, а ты не будешь знать? Люди и осудят тотчас: вот, скажут, училась, а не смыслит ничего.

– Да что это вы, бабушка? Это я только вам призналась, что не знаю, а чужие во веки веков не доберутся, пускай хоть целый день меня расспрашивают! Я изо всего вывернусь, еще и их озадачу – вот как, бабушка! Хотите, я вам спою что-нибудь? Слушайте.

И запела, затянула; а голос у ней такой, словно серебро пересыпается.

Старуха ну целовать ее.

– Серденько мое, – говорит, – утеха моя!

А панночка к ней ластится да просит:

– Купите мне, бабушка, нарядов хороших.

– Ты об этом не беспокойся, дитятко: будет у тебя всего довольно. Ты у меня будешь царевна над панночками.

А мы, девушки, переглядываемся да и думаем: чему там научили нашу панночку? А всего больше, кажется, людей морочить.

III

– Пойдем-ка, голубка, – говорит ей старая пани, – я хочу, чтоб ты себе в услужение девушку выбрала.

И повела ее к нам. А мы от дверей да в угол, да кучкой там и столпились.

– Это ваша панночка, – говорит нам пани. – Целуйте ее в ручку.

Панночка не то посмотрела на нас, не то нет и протянула нам Два пальчика. Старуха всех нас показывает:

– Вот это Анна, это Марья, это Домаха.

– Боже мой! – даже вскрикнула панночка и встрепенулась вся, руками всплеснула. – Да сумеет ли какая из вас меня причесать, зашнуровать?

Сказала – да и стоит, и руки скрестила, и смотрит на нас. – А что, – говорит старуха, – сумеют, мое сердце; а не то – выучим.

– Как тебя зовут? – спрашивает вдруг меня панночка и, Не Дождавшись моего ответа, говорит пани: – Эта будет моя.

– Ну что ж! И ладно. Какую пожелаешь, мое сердце, пусть будет и эта. Смотри же, Устина, – говорит она мне, служи хорошо; панночка тебя жаловать будет.

– Ну, пойдемте, бабушка, довольно! – перебила ее панночка, а сама и поморщилась, и набок перегнулась, и глаза отчего-то зажмурила, и с места порывается, ну точно кот, когда ему пыхнут в усы из трубки.

– Да ведь надо же, голубка, их уму-разуму научать; у них ведь глупые головы. Я скажу ей что-нибудь одно, а ты другое – вот и выйдет из нее человек.

– Жаль, бабушка, что прежде их не учили, а теперь возись с ними! Напрасно вы какую-нибудь в город не отдали.

Так и разговаривают про нас! Словно нас и в комнате нет.

– Ой! Устечка, Устечка, – горюют девушки, – каково-то тебе будет? Вишь, она какая неласковая!

– А что, – говорю я девушкам, – гореваньем поле не перейдешь, да и от доли своей не уйдешь. Посмотрим, каково-то будет.

Я это сказала, а сама задумалась.

IV

Под вечер зовут меня:

– Иди к панночке, раздевать ее.

Я вошла к ней, а панночка стоит перед зеркалом и уже все с себя долой срывает.

– Где это ты шлялась? Раздевай меня скорее, скорее; я спать хочу.

Я ее раздеваю, а она все покрикивает на меня:

– Да скорее же, скорее!

Бросилась на кровать.

– Разувай! – говорит. – А умеешь ли ты волосы завивать? – спрашивает она меня.

– Нет, не умею.

– Боже мой, какое мое несчастье! Какая же она дура! Ну, пошла!

А девушки уже поджидают меня.

– Ну что, Устя, что, сестрица? Какова она голубка?

А я думаю, что им сказать.

– Дура я, – говорю девушкам, – не умею волос завивать.

V

На другой день ранехонько проснулась наша панночка, умылась, убралась, обежала весь двор, весь дом и в саду побывала.

– Дома я, – говорит, – дома! Нет мне теперь никакого запрету.

Целует старую пани да то и дело спрашивает:

– А скоро ли мы в гости поедем, бабушка? А когда же гости к нам приедут?

– Да дай же мне сперва тобой налюбоваться, моя рыбка, дай на тебя наглядеться!

– Да когда же я этого дождусь, бабушка? У меня только и было на уме, что вот я приеду домой, весело будет, людно, пиры да танцы... Бабушка, милая, голубушка!..

– Ну хорошо, хорошо, моя птишка; дай мне только немножко поприспособиться, а там уж я тотчас гостей просить буду.

Начались эти приготовления. Старуха сундуки выкатывает из амбара, бархаты, кисеи тонкие вынимает, кроит да примеривает на панночке. Панночка даже подпрыгивает, даже краснеет от радости. То к одному зеркалу подбежит, то в другое заглянет. стакан воды возьмет, так и в воде собой любуется, какая она красивая. То заплетет косу, то расплетет, то лентами ее перевьет, то цветами уберется.

– Ах, бабушка! – вскрикнет, бывало. – Когда же я в атласное платье наряжусь?

– А когда обручишься, моя голубушка, – отвечает старуха. – Выдам я тебя за князя или за графа, за вельможного пана, за первого в свете богача.

А панночка и голову закинет, словно уже она самая великородная княгиня.

Только у них и разговору было, что про князей да про вельмож. Послушать их – так уж и к свадьбе все готово, и палаты каменные уже выстроены, и кони вороные запряжены. Чудеса, да и только! Толкуют они, толкуют, панночка вздохнет наконец:

– Что, бабушка, это только на словах, а до сих пор никто у нас не был!

– Да ты обожди немного: наедет их столько, что и не протолчешься.

VI

И взаправду нахлынули к нам гости, как на пожар. Одни со двора другие на двор. Нет нам ни сна ни отдыха; бегаем, обслуживаем с утра до вечера. Иной раз такая их гурьба навалит, что Дивишься, бывало, каких между ними господ нет. И все это хохочет, танцует, ест, пьет. Народ все праздный, откормленный. Иная *добродийка* в дверь-то едва пролезет. А панычей-то сколько у нас перебивало! Так роем вокруг нашей панночки и вьются, словно шмели жужжат. Обворожила она их всех – кого словами, а кого бровями. Одного спрашивает о здоровье, да так ласково, а другому говорит, что ей без него скучно; третьего посадит возле себя, словно своего семьянина. А они, бедняки, так и тают все, одурели новее, с лица даже все спали. Каждый день наезжают к нам, друг друга опередить стараются, злобными глазами друг на друга посматривают. Она ли им всем по душе пришлась, не над чем ли другим им душу было отвести, только так муравейником они и кишат, так и лезут. Да и чем им себя в свете развеселить? Чем свой молодой век скрасить? Сладко поесть, напиться допьяна, одеться богато – чего им еще?

VII

Понемножку да понемножку панночка на свой лад все пере вернула – и жизнь и хозяйство.

– Полно вам, – говорит, – полно, бабушка, вязать! Разве у нас некому работать? Кто ни приедет, а вы всё за чулком торчите, словно служанка какая.

– Да скучно без работы, дитя мое, – ответит старуха.

– Возьмите книжку да почитайте.

– Что я буду читать? Да я уже плохо вижу.

– Ну так посидите, только, пожалуйста, не вяжите. Вы мне лучше глаз спицею выколите.

– Ну хорошо, хорошо, успокойся.

Перестанет старуха вязать и скучает. Нарядила ее панночка в чепчик с пестренькими ленточками и посадила на кресло посреди комнаты. Приедут гости, а она уж наготове, принимает их.

Старухе уже жизнь в тягость становится, а панночка утешается:

– Как хорошо, бабушка, у нас, как славно! Как все роскошно да пышно!

VIII

Нас, девушек, всех вышивать засадила. Сама нас учит да то и дело наведывается, шьем ли мы. Мы обедать пойдем, так и тут хмурится да дуется, что мы не работаем; а потом с каждым днем все больше сердчать стала. Ужи браниться начала, а иной раз щипнет или толкнет слегка, да и покраснеет сама – стыдно ей станет. Но стыдилась она, только пока привыкла; а как привыкла да обжилась, так узнали мы, где на свете горе живет.

Приду, бывало, одевать ее – и уж какого-какого натерплюсь поруганья! Заплету ей косу – не так! Опять расплету – опять не так! Целое утро мы в этом и проводим. Она меня и щиплет, и тычет, и гребнем меня царапает, и булавкой меня колет, и водой обливает... Чего-чего она не выделяет над моей бедной головушкой!

Однажды у нас полковых из города ожидали. Двор подмели с вечера, дом убрали, словно для светлого праздника. Села панночка чесать волосы. Ах я бесталанная! Лучше бы мне горячих угольев набрать в руки, чем возиться с ее русой косой! И такая-то я и этакая, и прочь поди, и опять ступай сюда... И толкает она меня, и наскакивает на меня! Обмерла я со страха, а она кричит, бранится, топает ногами, а потом как заплачет вдруг... Я в дверь, а она за мною, в сад.

– Я тебя на куски разорву! Задушу тебя, змею!

Оглянулась я, а она такая страшная сделалась, что у меня и ноги подкосились. Как схватит она меня за шею обеими руками, а руки такие холодные, как змеи. Хочу вскрикнуть – дух мне захватило; так я и упала под яблоню; от холодной воды только очнулась. Смотрю, девушки около меня столпились, все белые-белые, как мел. Панночка на стуле раскинулась, плачет, а старуха над моей головой стоит и так меня бранит, такая лютая сама сделалась, что даже во рту у ней почернело.

– Что это ты наделала, дрянь ты этакая? Как ты смела панночку прогневить? Я тебя! – А панночку уговаривает: – Не плачь, не плачь, мой ангелочек; она не стоит слез твоих. Еще заболеешь, сохрани бог. Вот и ручки у тебя совсем холодные. Полно же, полно! Зачем тебе самой их наказывать? Жалуйся мне, когда тебе в чем-нибудь не угодят. А тебе, негодная, – опять напустилась она на меня, – будет ужо, погоди!

Я уж и не знаю, как я еще от другой беды избавилась, что меня не били. Должно быть, оттого, что уж очень я слаба была.

Пани только пинка мне дала, да тотчас и велела девушкам перенести меня в хату.

Девушки подняли меня и понесли, а в хате все так и начали около меня убиваться:

– Устинка, серденько! горькая участь твоя!.. Матерь божия! За что это над нами такое несчастье?

IX

Всю весну меня теплым молоком поили, пока я Немножко оправилась.

Лежу, бывало, одна; все на панцине, лежу да все думаю: «Такая молоденькая – и такая немилосердная; господи!..»

В хате холодок и тишина. Стены белые, немые. Я одна с своей душой. Ветерок зашелестит и приклонит мне в окно пахучую сирень. В полдень солнечный луч горячий перебросит через хату ясную полосу – точно жаром меня обсыплет. Душно мне, томит меня дремота, а сна нет. И этак я все одна-одинехонька со своими мыслями, как жить на свете. Радуюсь, бывало, боже! Как радуюсь, когда зашумит садик, померкнет свет и застучит об землю Дождь!.. Вдруг, слышу, топот за дверьми... хохот и говор... в хату ко мне целый рой детей так и всыплется, веселые все, румяные; ласкают меня, отряхивают на меня дождевые капли с себя; взбираются на окно в нетерпении, когда-то дождь утихнет; поют, вскрикивают:

Зійди, зійди, сонечко,
На попове полечко,
На бабине зіллячко,
На наше подвір'ячко!

Солнышко только что выглянет из-за тучи – они так и прыснут вон из хаты; а мне еще долго-долго чудится то в одном углу хохот, то в другом, точно кто в серебряные колокольчики позванивает.

Вечеру, уже в сумерки, возвращаются с панцины усталые люди. Все измучены и солнечным зноем и тяжелым трудом; все молчат, разве иной тяжело вздохнет или запоем потихоньку, да так печально!

Иногда которая-нибудь из девушек забежит ко мне из дому.

– Устино, голубко!

– А что там у вас делается, сестрица? – спрошу я ее.

– Хоть и не спрашивай, Устино, беда! Ой, матушки, как бы еще там меня не хватились! Ох, Устя, бедные наши головки!

– А обо мне ничего не слышно?

– Как бы не так!.. Зачем, говорят, к своему делу не идет? Чего она нежится, *словно пани с Басіни*, – вот что говорят, коли хочешь знать... Ой, замешкалась я! Будь здорова, Устинка!

Х

Однажды утром лежу я да думаю; вдруг в хату вбежала Катря:

– Иди, иди, поскорее иди, Устя!

– Куда идти?

– К панночке, к пани; да поскорее же, Устя! Послали за тобой, чтоб ты тотчас шла. Панночка нажаловалась на тебя старухе, что ты уж совсем выздоровела, да не хочешь работать, служить. Иди же, иди!

– Как же я пойду, Катря? Я и переступить-то не в силах.

– Я тебя доведу, голубка! Приневоль себя, чтоб еще хуже не было. Пойдем же, пойдем!

С трудом доплелась я до дому. На пороге встретила меня панночка.

– Что это ты нежишься? Почему не идешь служить, дрянь ты этакая? погоди, я тебе наказание выдумаю!

И кричит она, господи! Даже запыхалась, толкает меня, за косы дергает... Ох, тяжелая моя доля! Как она *озверилась*! Личико ее хорошенькое какое страшное стало!

На крик ее и пани не замедлила приползти, да и ну меня бранить; еще и колотить грозились, а мы, слава богу, этого еще от нее не видали, пока не поселилась у нас панночка.

Начались тогда у нас наказания каждый день. Засмеется ли кто – не часто мы смеялись, – панночка бежит к старухе: «Бабуня, меня не уважают!» Заплачет ли: «Бабуня, дела не делают, да еще и плачут!» И этак на всех нас доносит и доносит наша ябедница; а старуха злится, нас наказывает – видно, молодость вспомнила!

XI

Мы только и отдохнем, бывало, когда наедут гости-панычи да позабудет о нас панночка. Выйдет к ним такая приветливая, ласковая, милая, щебечет по-птичьи – не узнаешь ее; а уж как те панычи около нее увиваются! Один рядом с нею семенит, а тот из-за угла с нее очей не сводит, этот за ней следом толчется, другой сбоку к ней глаза запускает, а она между ними словно перепелка вьется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.